

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

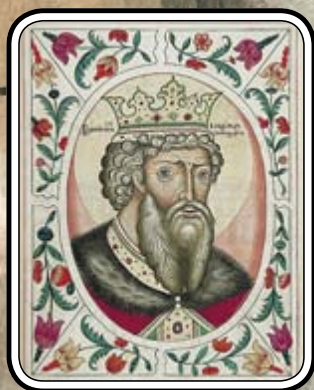
РОМАН-ГАЗЕТА

2

етская

■ 2016 (200)

6+

ПОДВИЖНИКИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ:
Святой Владимир

Николай Лесков
Левша

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник Г. Лопачёва

Владислав Ходасевич

Зимой

День морозно-золотистый
Сети тонкие расставил,
А в дали, пурпурно-мглистой,
Кто-то медь ковал и плавил.

Кто-то золотом сусальным
Облепил кресты и крыши.
Тихий ветер дымам дальним
Приказал завиться выше...

К сизым кольцам взоры вскинем!
Мир печалью светлой болен...
Стынет в небе, ярко-синем,
Строй прозрачных колоколен.

*4–7 декабря 1906
Москва*

И. Билибин
Иллюстрация
к «Сказке о царе Салтане»
А. С. Пушкина
1905 г.

В номере:

3

Николай Лесков

Левша

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Живописец и иллюстратор детской литературы:

Алексей Пахомов

21

БУХТИНЫ

Александр Азаренков

Собаки и кошки

22

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

«Я с народом был свой человек»

25

ЖИВОЙ УГОЛОК

Владимир Волков

Серый

26

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

Первые рукописные книги на Руси

28

ПОДВИЖНИКИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Сергей Миронов

Святой Владимир — герой нашего времени

31

ЖИВОЙ УГОЛОК

Удод — птица 2016 года

32

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядко

Пионеры Космоса

34

РАССКАЗЫ

Павел Гусев

Рассказы-горошины

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погодина

Генеральный директор

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге

агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 7370

© «Роман-газета», 2016 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Николай Лесков Левша

Художник Г. Мазурин

Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе

Глава первая

Когда император Александр Павлович окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междуособные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели, но при нём был донской казак Платов, который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то все провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: «так и так, и у нас дома своё не хуже есть, — и чем-нибудь отведёт.

Англичане это знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить и от русских отвлечь, и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях, где Платов не мог по-французски вполне говорить; но он

этим мало и интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения. А когда англичане стали звать государя во всякие свои цейгаузы, оружейные и мыльно-пильные заводы, чтобы показать своё над нами во всех вещах преимущество и тем славиться, — Платов сказал себе:

— Ну уж тут шабаш. До этих пор ещё я терпел, а дальше нельзя. Сумею я или не сумею говорить, а своих людей не выдам.

И только он сказал себе такое слово, как государь ему говорит:

— Так и так, завтра мы с тобою едем их оружейную кунсткамеру смотреть. Там, — говорит, — такие природы совершенства, что как помотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся.

Платов ничего государю не ответил, только свой грабоватый нос в лохматую бурку спустил, а пришёл в свою квартиру, велел денщику подать из погребца

фляжку кавказской водки (кизлярки. — *Прим. автора*), дерябнул хороший стакан, на дорожный складень богу помолился, буркой укрылся и захрапел так, что во всём доме англичанам никому спать нельзя было.

Думал: утро ночи мудренее.

Глава вторая

На другой день поехали государь с Платовым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухсестную.

Приезжают в пребольшое здание — подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромные бюстры, и посредине под Балдахином стоит Аболон полведерский.

Государь оглядывается на Платова: очень ли он удивлён и на что смотрит; а тот идёт глаза опустивши, как будто ничего не видит, — только из усов кольца вьёт.

Англичане сразу стали показывать разные удивления и пояснять, что к че-

му у них приноврено для военных обстоятельств: буреметры морские, мерблюзьи мантоны пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли. Государь на всё это радуется, всё кажется ему очень хорошо, а Платов держит свою ажидацию, что для него всё ничего не значит.

Государь говорит:

— Как это возможно — отчего в тебе такое бесчувствие? Неужто тебе здесь ничто не удивительно?

А Платов отвечает:

— Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и дванадесять язык прогнали.

Государь говорит:

— Это безрассудок.

Платов отвечает:

— Не знаю, к чему отнести, но спорить не смею и должен молчать.

А англичане, видя между государями такую перемолвку, сейчас подвели его к самому Аболону полведерскому и берут у того из одной руки Мортимерово ружьё, а из другой пистолю.

— Вот, — говорят, — какая у нас производительность, — и подают ружьё.

Государь на Мортимерово ружьё посмотрел спокойно, потому что у него такие в Царском Селе есть, а они потом дают ему пистолю и говорят:

— Это пистоля неизвестного, неподражаемого мастерства — её наш адмирал у разбойничьего атамана в Канделабрии из-за пояса выдернул.

Государь взглянул на пистолю и наглядеться не может.

Взахался ужасно.

— Ах, ах, ах, — говорит, — как это так... как это даже можно так тонко сделать! — И к Платову по-русски обращивается и говорит: — Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сейчас же благородным бы сделал.

А Платов на эти слова в ту же минуту опустил правую руку в свои большие шаровары и тащит оттуда ружейную отвёртку. Англичане говорят: «Это не отворяется», а он, внимания не обращая, ну замок ковырять. Повернул раз, повернул два — замок и вынул. Платов показывает государю собачку, а там на самом сугибе сделана русская надпись: «Иван Москвин во граде Туле».

Англичане удивляются и друг дружку поталкивают:

— Ох-де, мы маху дали!

А государь Платову грустно говорит:

— Зачем ты их очень сконфузил, мне их теперь очень жалко. Поедем.

Сели опять в ту же двухсестную карету и поехали, и государь в этот день на бале был, а Платов ещё бóльший стакан кислярки выдушил и спал крепким казачьим сном.

Было ему и радостно, что он англичан оконфузил, а тульского мастера на точку вида поставил, но было и досадно: зачем государь под такой случай англичан сожалел!

«Через что это государь огорчился? — думал Платов, — совсем того не понимаю», — и в таком рассуждении он два раза вставал, крестился и водку пил, пока насильно на себя крепкий сон навёл.

А англичане же в это самое время тоже не спали, потому что и им завертело. Пока государь на бале веселился, они ему такое новое удивление подстроили, что у Платова всю фантазию отняли.

Глава третья

На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и говорит:

— Пусть сейчас заложат двухсестную карету, и поедем в новые кунсткамеры смотреть.

Платов даже осмелился доложить, что не довольно ли, мол, чужеземные продукты смотреть и не лучше ли к себе в Россию собираться, но государь говорит:

— Нет, я ещё желаю другие новости видеть: мне хвалили, как у них первый сорт сахар делают.

Поехали.

Англичане всё государю показывают: какие у них разные первые сорта, а Платов смотрел, смотрел да вдруг говорит:

— А покажите-ка нам ваших заводов сахар молво?

А англичане и не знают, что это такое молво. Перешёптываются, перемигиваются, твердят друг дружке: «Молво, молво», а понять не могут, что это у нас такой сахар делается, и должны сознаться, что у них все сахара есть, а «молва» нет.

Платов говорит:

— Ну, так и нечем хвастаться. Приезжайте к нам, мы вас напоим чаем с настоящим молво Бобринского завода.

А государь его за рукав дёрнул и тихо сказал:

— Пожалуйста, не порть мне политики.

Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру, где у них со всего света собраны минеральные камни и нимфозории, начиная с самой огромнейшей египетской керамиды до закожной блохи, которую глазам видеть невозможно, а угрызение её между кожей и телом.

Государь поехал.

Осмотрели керамиды и всякие чучелы и выходят вон, а Платов думает себе: «Вот, слава богу, всё благополучно: государь ничему не удивляется».

Но только пришли в самую последнюю комнату, а тут стоят их рабочие в тужурных жилетках и в фартуках и держат поднос, на котором ничего нет.

Государь вдруг и удивился, что ему подают пустой поднос.

— Что это такое значит? — спрашивает; а аглицкие мастера отвечают:

— Это вашему величеству наше почтенное поднесение.

— Что же это?

— А вот, — говорят, — извольте видеть сориночку?

Государь посмотрел и видит: точно, лежит на серебряном подносе самая крошечная соринка.

Работники говорят:

— Извольте пальчик поскоблить и её на ладошку взять.

— На что же мне эта соринка?

— Это, — отвечают, — не соринка, а нимфозория.

— Живая она?

— Никак нет, — отвечают, — не живая, а из чистой из аглицкой стали в изображении блохи нами выкована, и в середине в ней завод и пружина. Извольте ключиком повернуть: она сейчас начнёт танцевать.

Государь залюбопытствовал и спрашивает:

— А где же ключик?

А англичане говорят:

— Здесь и ключ перед вашими очами.

— Отчего же, — государь говорит, — я его не вижу?

— Потому, — отвечают, — что это надо в мелкоскоп.

Подали мелкоскоп, и государь увидел, что возле блохи действительно на подносе ключик лежит.

— Извольте, — говорят, — взять её на ладошечку — у неё в пузичке заводная дырка, а ключ семь поворотов имеет, и тогда она пойдёт танцевать...

Насилу государь этот ключик ухватил и насилу его в щепотке мог удерживать, а в другую щепотку блошку взял и только ключик вставил, как почувствовал, что она начинает усиками водить, потом ножками стала перебирать, а наконец вдруг прыгнула и на одном лету прямое танце и две верояции в сторону, потом в другую, и так в три верояции всю кавриль станцевала.

Государь сразу же велел англичанам миллион дать, какими сами захотят деньгами, — хотят серебряными пяточками, хотят мелкими ассигнациями.

Англичане попросили, чтобы им серебром отпустили, потому что в бумажках

они толку не знают; а потом сейчас и другую свою хитрость показали: блоху в дар подали, а футляра на неё не принесли: без футляра же ни её, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются и в сору их так и выбросят. А футляр на неё у них сделан из цельного бриллиантового ореха — и ей местечко в середине выдавлено. Этого они не подали, потому что футляры, говорят, будто казённый, а у них насчёт казённого строго, хоть и для государя — нельзя жертвовать.

Платов было очень рассердился, потому что, говорит:

— Для чего такое мошенничество! Дар сделали и миллион за то получили, и все ещё недостаточно! Футляр, — говорит, — всегда при всякой вещи принадлежит.

Но государь говорит:

— Оставь, пожалуйста, это не твоё дело — не порть мне политики. У них свой обычай. — И спрашивает: — Сколько тот орех стоит, в котором блоха местится?

Англичане положили за это ещё пять тысяч.

Государь Александр Павлович сказал: «Выплатить», а сам опустил блошку в этот орешек, а с нею вместе и ключик, а чтобы не потерять самый орех, опустил его в свою золотую табакерку, а табакерку велел положить в свою дорожную шкатулку, которая вся выслана преламутом и рыбьей костью. Аглицких же мастеров государь с честью отпустил и сказал им: «Вы есть первые мастера на всём свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут».

Те остались этим очень довольны, а Платов ничего против слов государя произнести не мог. Только взял мелкоскоп да, ничего не говоря, себе в карман спустил, потому что «он сюда же, — говорит, — принадлежит, а денег вы и без того у нас много взяли».

Государь этого не знал до самого приезда в Россию, а уехали они скоро, потому что у государя от военных дел сделалась меланхолия и он захотел духовную исповедь иметь в Таганроге у попа Федота [«Поп Федот» не с ветра взят: император Александр Павлович перед своею кончиною в Таганроге исповедовался у священника Алексея Федотова-Чеховского, которой после того именовался «духовником его величества», и любил ставить всем на вид это совер-

шенно случайное обстоятельство. Вот этот-то Федотов-Чеховский, очевидно, и есть легендарный «поп Федот». (Прим. автора.)]. Дорогой у них с Платовым очень мало приятного разговора было, потому они совсем разных мыслей сделали: государь так соображал, что англичанам нет равных в искусстве, а Платов доводил, что и наши на что взглянут — всё могут сделать, но только им полезного ученья нет. И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на всё другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нём совсем другой смысл.

Государь этого не хотел долго слушать, а Платов, видя это, не стал усиливаться. Так они и ехали молча, только Платов на каждой станции выйдет и с досады квасной стакан водки выпьет, солёным бараночком закусит, закурит свою корешковую трубку, в которую сразу целый фунт Жукова табаку входило, а потом сядет и сидит рядом с царём в карете молча. Государь в одну сторону глядит, а Платов в другое окно чубук высунет и дымит на ветер. Так они и доехали до Петербурга, а к попу Федоту государь Платова уже совсем не взял.

— Ты, — говорит, — к духовной беседе воздержен и так очень много куришь, что у меня от твоего дыму в голове копать стоит.

Платов остался с обидою и лёг дома на досадную укушетку, да так всё и лежал да покуривал Жуков табак без перестачи.

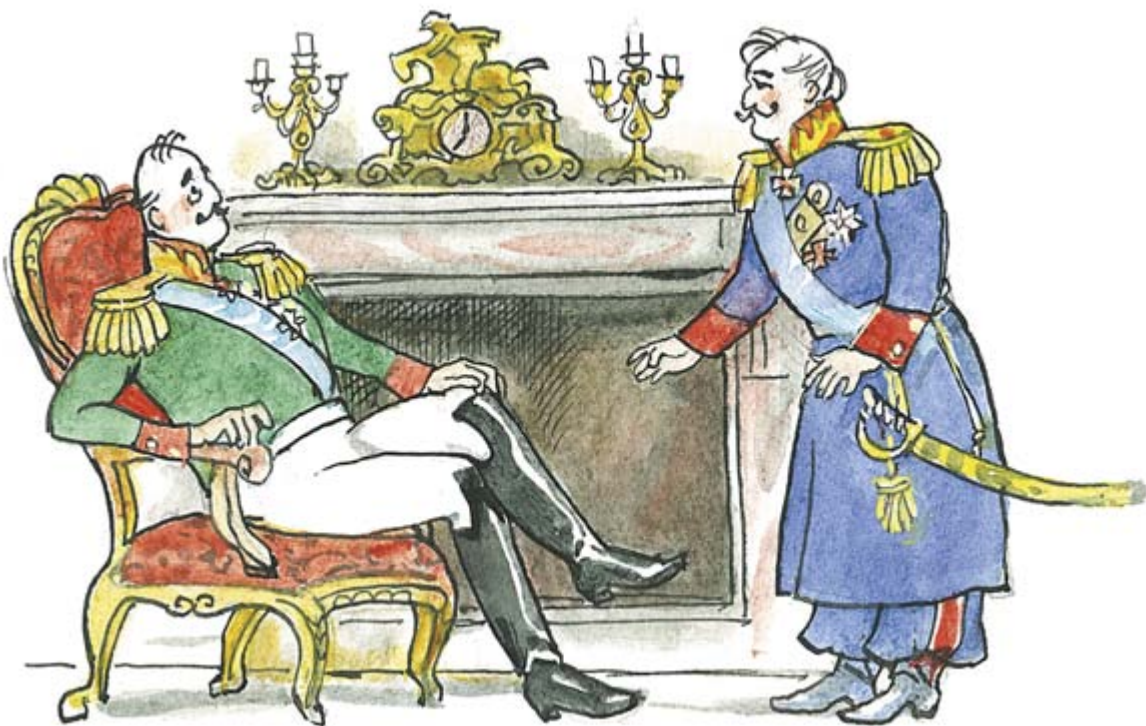
Глава четвертая

Удивительная блоха из аглицкой воронёной стали оставалась у Александра Павловича в шкатулке под рыбьей костью, пока он скончался в Таганроге, отдав её попу Федоту, чтобы сдал после, государыне, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексеевна посмотрела блохины верояции и усмехнулась, но заниматься ею не стала.

— Моё, — говорит, — теперь дело вдове, и мне никакие забавы не обольстительны, — а вернувшись в Петербург, передала эту диковину со всеми иными драгоценностями в наследство новому государю.

Император Николай Павлович поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил, потому что при восходе его было смятение, но потом один раз стал пересматривать доставшуюся ему от брата шкатулку и достал из неё табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, и в нём нашёл стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не действовала, а лежала смиренно, как коченелая.

Государь посмотрел и удивился.

— Что это ещё за пустяковина и к чему она тут у моего брата в таком сохранении!

Придворные хотели выбросить, но государь говорит:

— Нет, это что-нибудь значит.

Позвали от Аничкина моста из противной аптеки химика, который на самых мелких весах яды взвешивал, и ему показали, а тот сейчас взял блоху, положил на язык и говорит: «Чувствую хлад, как от крепкого металла». А потом зубом её слегка помял и объявил:

— Как вам угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозория, и она сотворена из металла, и работа эта не наша, не русская.

Государь велел сейчас разузнать: откуда это и что такое означает?

Бросились смотреть в дела и в списки, — но в делах ничего не записано. Стали того, другого спрашивать, — никто ничего не знает. Но, по счастью, донской казак Платов был ещё жив и даже все ещё на своей досадной укушетке лежал и трубку курил. Он как услышал, что во дворце такое беспокойство, сейчас с укушетки поднялся, трубку бросил и явился к государю во всех орденах. Государь говорит:

— Что тебе, мужественный старик, от меня надобно?

А Платов отвечает:

— Мне, ваше величество, ничего для себя не надо, так как я пью-ем что хочу и всем доволен, а я, — говорит, — пришёл доложить насчёт этой нимфозории, которую отыскали: это, — говорит, — так и так было, и вот как происходило при моих глазах в Англии, — и тут при ней есть ключик, а у меня есть их же мелкоскоп, в который можно его видеть, и сим ключом через пузичку эту нимфозорию можно завести, и она будет скакать в каком угодно пространстве и в стороны верояции делать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платов говорит:

— Это, — говорит, — ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы подвергнуть её русским пересмотрам в Туле или в Сестербеке, — тогда ещё Сестрорецк Сестербеком звали, — не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвозвышались.

Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил, он и ответил Платову:

— Это ты, мужественный старик, хорошо говоришь, и я тебе это дело поручаю поверить. Мне эта коробочка всё равно теперь при моих хлопотах не нужна, а ты возьми её с собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поезжай на тихий Дон и поведи там с моими донцами междуособные разговоры насчёт их жизни и преданности и что им нравится. А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту нимфозорию, и пусть они о ней подумают. Скажи им от меня, что брат мой этой вещи удивлялся и чужих людей, которые делали нимфозорию, больше всех хвалил, а я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают.

Глава пятая

Платов взял стальную блоху, и как поехал через Тулу на Дон, показал её тульским оружейникам и слова государевы им передал, а потом спрашивает:

— Как нам теперь быть, православные?

Оружейники отвечают:

— Мы, батюшка, милостивое слово государеву чувствуем и никогда его забыть не можем за то, что он на своих людей надеется, а как нам в настоящем случае быть, того мы в одну минуту сказать не можем, потому что аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство в ней с большим смыслом. Против неё, — говорят, — надо взяться подумавши и с божьим благословением. А ты, если твоя милость, как и государь наш, имеешь к нам доверие, поезжай к себе на тихий Дон, а нам эту блошку оставь, как она есть, в футляре и в золотой царской табакерочке. Гуляй себе по Дону и заживляй раны, которые принял за отечество, а когда назад будешь через Тулу ехать, — остановись и спышлай за нами: мы к той поре, бог даст, что-нибудь придумаем.

Платов не совсем доволен был тем, что туляки так много времени требуют и притом не говорят ясно: что такое именно они надеются устроить. Спрашивал он их так и иначе и на все манеры с ними хитро по-донски заговаривал; но туляки ему в хитрости нимало не уступили, потому что имели они сразу же такой замысел, по которому не надеялись даже, чтобы и Платов им поверил, а хотели прямо своё смелое воображение исполнить, да тогда и отдать.

Говорят:

— Мы ещё и сами не знаем, что учиним, а только будем на бога надеяться, и авось слово царское ради нас в постыждении не будет.

Так и Платов умом виляет, и туляки тоже.

Платов вилял, вилял, да увидал, что туляка ему не перевилять, подал им табакерку с нимфозорией и говорит:

— Ну, нечего делать, пусть, — говорит, — будет по-вашему; я вас знаю, какие вы, ну, одначе, делать нечего, — я вам верю, но только смотрите, бриллиант чтобы не подменить и аглицкой тонкой работы не испортите, да недолго возитесь, потому что я шибко ежжу: двух недель не пройдёт, как я с тихого Дона опять в Петербург поворочу, — тогда мне чтоб непременно было что государю показать.

Оружейники его вполне успокоили:

— Тонкой работы, — говорят, — мы не повредим и бриллианта не обменим, а две недели нам времени довольно, а к тому случаю, когда назад возвратишься, будет тебе что-нибудь государеву великолепию достойное представить.

А что именно, этого так-таки и не сказали.

Глава шестая

Платов из Тулы уехал, а оружейники три человека, самые искусные из них, один косою левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны, попрощались с товарищами и с своими домашними да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съестного и скрылись из города.

Заметили за ними только то, что они пошли не в Московскую заставу, а в противоположную, киевскую сторону, и думали, что они пошли в Киев почивающим угодникам поклониться или посоветовать там с кем-нибудь из живых святых мужей, всегда пребывающих в Киеве в изобилии.

Но это было только близко к истине, а не самая истина. Ни время, ни расстояние не позволяли тульским мастерам сходить в три недели пешком в Киев да ещё потом успеть сделать посрамительную для англицкой нации работу. Лучше бы они могли сходить помолиться в Москву, до которой всего «два девяносто вёрст», а святых угодников и там почитает немало. А в другую сторону, до Орла, такие же «два девяносто», да за Орёл до Киева снова ещё добрых пять сот вёрст. Этакое пути скоро не сделаешь, да и сделавши его, не скоро отдохнёшь — долго ещё будут ноги остекливши и руки трястись.

Иным даже думалось, что мастера набахвалили перед Платовым, а потом как пообдумались, то и струсил и теперь совсем сбежали, унеся с собою и царскую золотую табакерку, и бриллиант, и наделавшую им хлопот англицкую стальную блоху в футляре.

Однако такое предположение было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусных людей, на которых теперь почивала надежда нации.

Глава седьмая

Туляки, люди умные и сведущие в металлическом деле, известны также как первые знатоки в религии. Их славою в этом отношении полна и родная земля, и даже святой Афон: они не только мастера петь с вавилонами, но они знают, как пишется картина «вечерний звон», а если кто из них посвятит себя большому служению и пойдёт в монастырь, то таковые слынут лучшими монастырскими экономами, и из них выходят самые способные сборщики. На святом Афоне знают, что туляки — народ самый выгодный, и если бы не они, то тёмные уголки России, наверно, не видали бы очень многих святостей отдалённого Востока, а Афон лишился бы многих полезных приношений от

русских щедрот и благочестия. Теперь «афонские туляки» обвозят святости по всей нашей родине и мастерски собирают сборы даже там, где взять нечего. Туляк полон церковного благочестия и великий практик этого дела, а потому и те три мастера, которые взялись поддержать Платова и с ним всю Россию, не делали ошибки, направляясь не к Москве, а на юг. Они шли вовсе не в Киев, а к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя «камнесеченная» икона св. Николая; приплывшая сюда в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше. Икона эта вида «грозного и престашного» — святитель Мир-Ликийских изображён на ней «в рост», весь одяен сребропозлащённой одеждой, а лицом темен и на одной руке держит храм, а в другой меч — «военное одоление». Вот в этом «одолении» и заключался смысл вещи: св. Николай вообще покровитель торгового и военного дела, а «мценский Никола» в особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебен у самой иконы, потом у каменного креста и, наконец, возвратились домой «нощию» и, ничего никому не рассказывая, принялись за дело в ужасном секрете. Сошлись они все трое в один домик к левше, двери заперли, ставни в окнах закрыли, перед Николиным образом лампадку затеплили и начали работать.

День, два, три сидят и никуда не выходят, всё молоточками потюкивают. Куют что-то такое, а что куют — ничего неизвестно.

Всем любопытно, а никто ничего не может узнать, потому что работающие ничего не рассказывают и наружу не показываются. Ходили к домику разные люди, стучались в двери под разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спрос не отпираются, и даже чем питаются — неизвестно. Пробовали их пугать, будто по соседству дом горит, — не выскочут ли в перепуге и не объявится ли тогда, что ими выковано, но ничто не брало этих хитрых мастеров; один раз только левша высунулся по плечи и крикнул:

— Горите себе, а нам некогда, — и опять свою щипаную голову спрятал, ставню захлопнул, и за своё дело принялся.

Только сквозь малые щёлочки было видно, как внутри дома огонёк блестит, да слышно, что тонкие молоточки по звонким наковальням вытюкивают.

Словом, всё дело велось в таком страшном секрете, что ничего нельзя было узнать, и притом продолжалось оно до самого возвращения казака Платова с тихого Дона к государю, и во всё это время мастера ни с кем не видались и не разговаривали.

Глава восьмая

Платов ехал очень спешно и с церемонией: сам он сидел в коляске, а на козлах два свистовые казака с нагайками по обе стороны ямщика садились и так его и поливали без милосердия, чтобы скакал. А если какой казак задремлет, Платов его сам из коляски ногою ткнёт, и ещё злее понесутся. Эти меры побуждения действовали до того успешно, что нигде лошадей ни у одной станции нельзя было удержать, а всегда сто скачков мимо остановочного места перескакивали. Тогда опять казак над ямщиком обратно сдействует, и к подъезду возвратятся.

Так они и в Тулу прикатили, — тоже пролетели сначала сто скачков дальше Московской заставы, а потом казак сдействовал над ямщиком нагайкою в обрат-

ную сторону, и стали у крыльца новых коней запрягать. Платов же из коляски не вышел, а только велел свистовому как можно скорее привести к себе мастеровых, которым блоху оставил.

Побежал один свистовой, чтобы шли как можно скорее и несли ему работу, которую должны были англичан посрамить, и ещё мало этот свистовой отбежал, как Платов вдогонку за ним раз за разом новых шлёт, чтобы как можно скорее.

Всех свистовых разогнал и стал уже простых людей из любопытной публики посылать, да даже и сам от нетерпения ноги из коляски выставляет и сам от нетерпеливости бежать хочет, а зубами так и скрипит — все ему ещё нескоро показывается.

Так в тогдaшнее время всё требовалось очень в аккурате и в скорости, чтобы ни одна минута для русской польести не пропадала.

Глава девятая

Тульские мастера, которые удивительное дело делали, в это время как раз только свою работу оканчивали. Свистовые прибежали к ним запыхавшись, а простые люди из любопытной публики — те и вовсе не добежали, потому что с непривычки по дороге ноги рас-

сыпали и повалились, а потом от страха, чтобы не глядеть на Платова, ударились домой да где попало спрятались.

Свистовые же как прискочили, сейчас вскрикнули и как видят, что те не отпирают, сейчас без церемонии рванули болты у ставень, но болты были такие крепкие, что нимало не поддались, дёрнули двери, а двери изнутри заложены на дубовый засов. Тогда свистовые взяли с улицы бревно, поддели им на пожарный манер под кровельную застреху да всю крышу с маленького домика сразу и своротили. Но крышу сняли, да и сами сейчас повалились, потому что у мастеров в их тесной хороминке от безотдышной работы в воздухе такая потная спираль сделалась, что непривычному человеку с свежего поветрия и одного раза нельзя было продохнуть.

Послы закричали:

— Что же вы, такие-сякие, сволочи, делаете, да ещё этакою спиралью ошибаться смее! Или в вас после этого бога нет!

А те отвечают:

— Мы сейчас, последний гвоздик заколачиваем и, как забьём, тогда нашу работу вынесем.

А послы говорят:

— Он нас до того часу живьём съест и на помин души не оставит.

Но мастера отвечают:

— Не успеет он вас поглотить, потому вот пока вы тут говорили, у нас уже и этот последний гвоздь заколочен. Бегите и скажите, что сейчас несём.

Свистовые побежали, но не с уверкою: думали, что мастера их обманут; а потому бежат, бежат да оглянутся; но мастера за ними шли и так очень скоро поспешали, что даже не вполне как следует для явления важному лицу оделись, а на ходу крючки в кафтанах застёгивают. У двух у них в руках ничего не содержалось, а у третьего, у левши, в зелёном чехле царская шкатулка с аглицкой стальной блохой.

Глава десятая

Свистовые подбежали к Платову и говорят:

— Вот они сами здесь!

Платов сейчас к мастерам:

— Готово ли?

— Всё, — отвечают, — готово.

— Подавай сюда.

Подали.

А экипаж уже запряжён, и ямщик и фореитор на месте. Казаки сейчас же рядом с ямщиком уселись и нагайки над ним подняли и так замахнувши и держат.

Платов сорвал зелёный чехол, открыл шкатулку, вынул из ваты золотую табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, — видит: аглицкая блоха лежит там какая была, а кроме её ничего больше нет.

Платов говорит:

— Это что же такое? А где же ваша работа, которую вы хотели государя утешить?

Оружейники отвечали:

— Тут и наша работа.

Платов спрашивает:

— В чём же она себя заключает?

А оружейники отвечают:

— Зачем это объяснять? Всё здесь в вашем виду, — и предусматривайте.

Платов плечами вздвинул и закричал:

— Где ключ от блохи?

— А тут же, — отвечают, — где блоха, тут и ключ, в одном орехе.

Хотел Платов взять ключ, но пальцы у него были куцапые: ловил, ловил, — никак не мог ухватить ни блохи, ни

ключика от её брюшного завода и вдруг рассердился и начал ругаться словами на казачий манер.

Кричал:

— Что вы, подлецы, ничего не сделали, да ещё, пожалуй, всю вещь испортили! Я вам голову сниму!

А туляки ему в ответ:

— Напрасно так нас обижают, — мы от вас, как от государева посла, все обиды должны стерпеть, но только за то, что вы в нас усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны, — мы вам секрета нашей работы теперь не скажем, а извольте к государю отвезти — он увидит, каковы мы у него люди и есть ли ему за нас постыждение.

А Платов крикнул:

— Ну, так врёт же вы, подлецы, я с вами так не расстануся, а один из вас со мною в Петербург поедет, и я его там допытаюся, какие есть ваши хитрости.

И с этим протянул руку, схватил своими куцаными пальцами за шивороток босого левшу, так что у того все крючочки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги.

— Сиди, — говорит, — здесь до самого Петербурга вроде пубеля, — ты мне за всех ответишь. А вы, — говорит свистовым, — теперь гайда! Не зевайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был.

Мастера ему только осмелились сказать за товарища, что как же, мол, вы его от нас так без тугамента увозите? ему нельзя будет назад следовать! А Платов им вместо ответа показал кулак — такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся — и, погрозивши, говорит: «Вот вам тугамент!» А казакам говорит:

— Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони — всё враз заработало, и умчали левшу без тугамента, а через день, как приказал Платов, так его и подкатили к государеву дворцу и даже, рассказавшись как следует, мимо колонн проехали.

Платов встал, подцепил на себя орден и пошёл к государю, а косоного левшу велел свистовым казакам при подъезде караулить.

Глава одиннадцатая

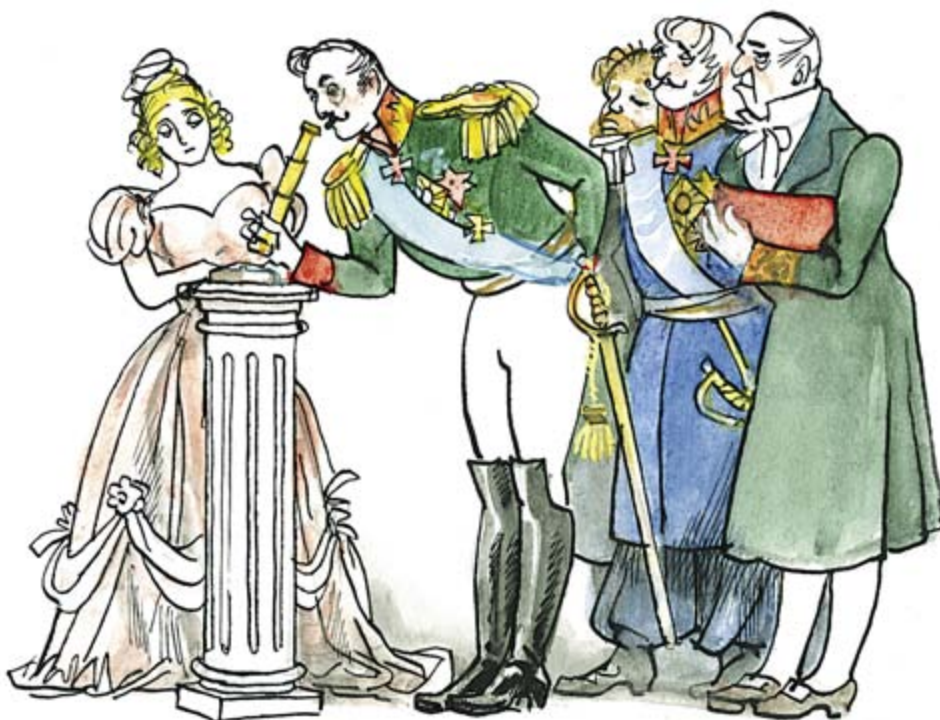
Платов боялся к государю на глаза показаться, потому что Николай Павлович был ужасно какой замечательный и памятный — ничего не забывал. Платов знал, что он непременно его о блохе спросит. И вот он хоть никакого в свете неприятеля не пугался, а тут струсил: вошёл во дворец со шкатулочкою да потихонечку её в зале за печкой и поставил. Спрятавши шкатулку, Платов предстал к государю в кабинет и начал поскорее докладывать, какие у казаков на тихом Дону междоусобные разговоры. Думал он так: чтобы этим государя занять, и тогда, если государь сам вспомнит и заговорит про блоху, надо подать и ответить, а если не заговорит, то промолчать; шкатулку кабинетному камердинеру велеть спрятать, а тульского левшу в крепостной каземат без срока посадить, чтобы посидел там до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павлович ни о чём не забывал, и чуть Платов насчёт междоусобных разговоров кончил, он его сейчас же и спрашивает:

— А что же, как мои тульские мастера против аглицкой нимфозории себя оправдали?

Платов отвечал в том роде, как ему дело казалось.

— Нимфозория, — говорит, — ваше величество, всё в том же пространстве,

и я её назад привёз, а тульские мастера ничего удивительнее сделать не могли.

Государь ответил:

— Ты — старик мужественный, а этого, что ты мне докладываешь, быть не может.

Платов стал его уверять и рассказал, как всё дело было, и как досказал до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павлович его по плечу хлопнул и говорит:

— Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделано.

Глава двенадцатая

Вынесли из-за печки шкатулку, сняли с неё суконный покров, открыли золотую табакерку и бриллиантовый орех, — а в нём блоха лежит, какая прежде была и как лежала.

Государь посмотрел и сказал:

— Что за лихо! — Но веры своей в русских мастеров не убавил, а велел позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказал ей:

— У тебя на руках персты тонкие — возьми маленький ключик и заведи поскорее в этой нимфозории брюшную машинку.

Принцесса стала крутить ключиком, и блоха сейчас усиками зашевелила, но ногами не трогает. Александра Никола-

евна весь завод натянула, а нимфозория всё-таки ни дансе не танцует и ни одной верояции, как прежде, не выкидывает.

Платов весь позеленел и закричал:

— Ах они, шельмы собаческие! Теперь понимаю, зачем они ничего мне там сказать не хотели. Хорошо ещё, что я одного ихнего дурака с собой захватил.

С этими словами выбежал на подъезд, словил левшу за волосы и начал туда-сюда трепать так, что клочья полетели. А тот, когда его Платов перестал бить, поправился и говорит:

— У меня и так все волосья при учёбе выдраны, а не знаю теперь, за какую надобность надо мною такое повторение?

— Это за то, — говорит Платов, — что я на вас надеялся и заручался, а вы редкостную вещь испортили.

Левша отвечает:

— Мы много довольны, что ты за нас ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, в самый сильный мелкоскоп смотрите.

Платов назад побежал про мелкоскоп сказывать, а левше только погрозились:

— Я тебе, — говорит, — такой-сякой-этакой, ещё задам.

И велел свистовым, чтобы левше ещё крепче локти назад закрутить, а сам поднимается по ступеням, запыхался и читает молитву: «Благого царя благая мати, пречистая и чистая», и дальше, как надобно. А царедворцы, которые на ступенях стоят, все от него отворачива-

ются, думают: попался Платов и сейчас его из дворца вон погонят, — потому они его терпеть не могли за храбрость.

Глава тринадцатая

Как довёл Платов левшины слова государю, тот сейчас с радостью говорит:

— Я знаю, что мои русские люди меня не обманут. — И приказал подать мелкоскоп на подушке.

В ту же минуту мелкоскоп был подан, и государь взял блоху и положил её под стекло сначала кверху спинкою, потом бочком, потом пузичком, — словом сказать, на все стороны её повернули, а видеть нечего. Но государь и тут своей веры не потерял, а только сказал:

— Привести сейчас ко мне сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платов докладывает:

— Его бы приодеть надо — он в чём был взят, и теперь очень в злом виде.

А государь отвечает:

— Ничего — ввести как он есть.

Платов говорит:

— Вот иди теперь сам, такой-этакой, перед очами государю отвечай.

А левша отвечает:

— Что ж, такой и пойду, и отвечу.

Идёт в чём был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегаются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится.

«Что же такое? — думает. — Если государю угодно меня видеть, я должен идти; а если при мне тугамента нет, так я тому не причинен и скажу, отчего так дело было».

Как взошёл левша и поклонился, государь ему сейчас и говорит:

— Что это такое, братец, значит, что мы и так и этак смотрели, и под мелкоскоп клали, а ничего замечательного не усматриваем?

А левша отвечает:

— Так ли вы, ваше величество, изволили смотреть?

Вельможи ему кивают: дескать, не так говоришь! а он не понимает, как надо по-придворному, с лестью или с хитростью, а говорит просто.

Государь говорит:

— Оставьте над ним мудрить, — пусть его отвечает, как он умеет.

И сейчас ему пояснил:

— Мы, — говорит, — вот как клали. — И положил блоху под мелкоскоп. — Смотри, — говорит, — сам — ничего не видно.

Левша отвечает:

— Этак, ваше величество, ничего и невозможно видеть, потому что наша работа против такого размера гораздо секретнее.

Государь спросил:

— А как же надо?

— Надо, — говорит, — всего одну её ножку в подробности под весь мелкоскоп подвести и отдельно посмотреть на всякую пяточку, которой она ступает.

— Помилуй, скажи, — говорит государь, — это уже очень сильно мелко!

— А что же делать, — отвечает левша, — если только так нашу работу и заметить можно: тогда всё и удивление окажется.

Положили, как левша сказал, и государь как только глянул в верхнее стекло, так весь и просиял — взял левшу, какой

он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал, а потом обернулся ко всем придворным и сказал:

— Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Глядите, пожалуйста: ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

Глава четырнадцатая

Стали все подходить и смотреть: блоха действительно была на все ноги подкована на настоящие подковы, а левша доложил, что и это ещё не всё удивительное.

— Если бы, — говорит, — был лучше мелкоскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы, — говорит, — увидеть, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал.

— И твоё имя тут есть? — спросил государь.

— Никак нет, — отвечает левша, — моего одного и нет.

— Почему же?

— А потому, — говорит, — что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты, — там уже никакой мелкоскоп взять не может.

Государь спросил:

— Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление?

А левша ответил:

— Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши.

Тут и другие придворные, видя, что левши дело выгорело, начали его целовать, а Платов ему сто рублей дал и говорит:

— Прости меня, братец, что я тебя за волосья отодрал.

Левша отвечает:

— Бог простит, — это нам не впервые такой снег на голову.

А больше и говорить не стал, да и некогда ему было ни с кем разговаривать, потому что государь приказал сейчас же эту подкованную нимфозорию уложить и отослать назад в Англию — вроде подарка, чтобы там поняли, что нам это не удивительно. И велел государь, чтобы вез блоху особый курьер, который на все языки учён, а при нём чтобы и лев-

ша находился и чтобы он сам англичанам мог показать работу и каковые у нас в Туле мастера есть.

Платов его перекрестил.

— Пусть, — говорит, — над тобою будет благословение, а на дорогу я тебе моей собственной кислярки пришлю. Не пей мало, не пей много, а пей средственно.

Так и сделал — прислал.

А граф Кисельворде велел, чтобы обмыли левшу в Туляковских всенародных банях, остригли в парикмахерской и одели в парадный кафтан с придворного певчего, для того, дабы похоже было, будто и на нём какой-нибудь жалованный чин есть.

Как его таким манером обформировали, напоили на дорогу чаем с платовскою кисляркою, затянули ремненным поясом как можно туже, чтобы кишки не тряслись, и повезли в Лондон. Отсюда с левой и пошли заграничные виды.

Глава двадцатая

Теперь всё это уже «дела минувших дней» и «преданья старины», хотя и не глубокой, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный склад легенды и эпический характер её главного героя. Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворённый народною фантазией миф он интересен, а его происхождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно.

Таких мастеров, как баснословный левша, теперь, разумеется, уже нет в Туле: машины сравняли неравенство талантов и дарований, и гений не рвётся в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию к сочинению подобных нынешней баснословных легенд.

Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практически приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью. Это их эпос, и притом с очень «человечкиной душою».

Живописец и иллюстратор детской литературы:

Алексей ПАХОМОВ

Алексей Фёдорович Пахомов — русский живописец, художник детской книги, график, скульптор, педагог. Действительный член Академии художеств СССР, народный художник СССР. Иллюстратор классической русской литературы, в том числе книг для детей и юношества. Награждён золотой медалью за панно «День страны Советов» в советском павильоне на Международной выставке в Париже в 1937 году. Лауреат Государственных премий СССР, в 1946 году за серию литографий «Ленинград в дни войны и блокады» и в 1973 году за иллюстрации и оформление сборника рассказов Л. Н. Толстого «Филиппок» (1954) и «Азбука» (1970–1973).

Алексей Фёдорович Пахомов родился 19 сентября (2 октября) 1900 года в де-

ревне Варламово Кадниковского уезда Вологодской губернии в крестьянской семье. Стремление и способности к рисованию он проявил с ранних лет, и при содействии представителей местного дворянства, сына и отца Зубовых, владельцев близлежащей усадьбы, сначала был направлен обу-

читься за казённый счёт в начальное училище города Кадникова, а затем, в 1915 году, в Петроград в Училище технического рисования барона А.Л. Штиглица (1915–1917), где его преподавателями были вначале Н. А. Тырса, а после службы в армии В. В. Лебедев. В училище также преподавали такие замечательные мастера, как М. В. Добужинский, С. В. Чехонин и В. И. Шухаев.

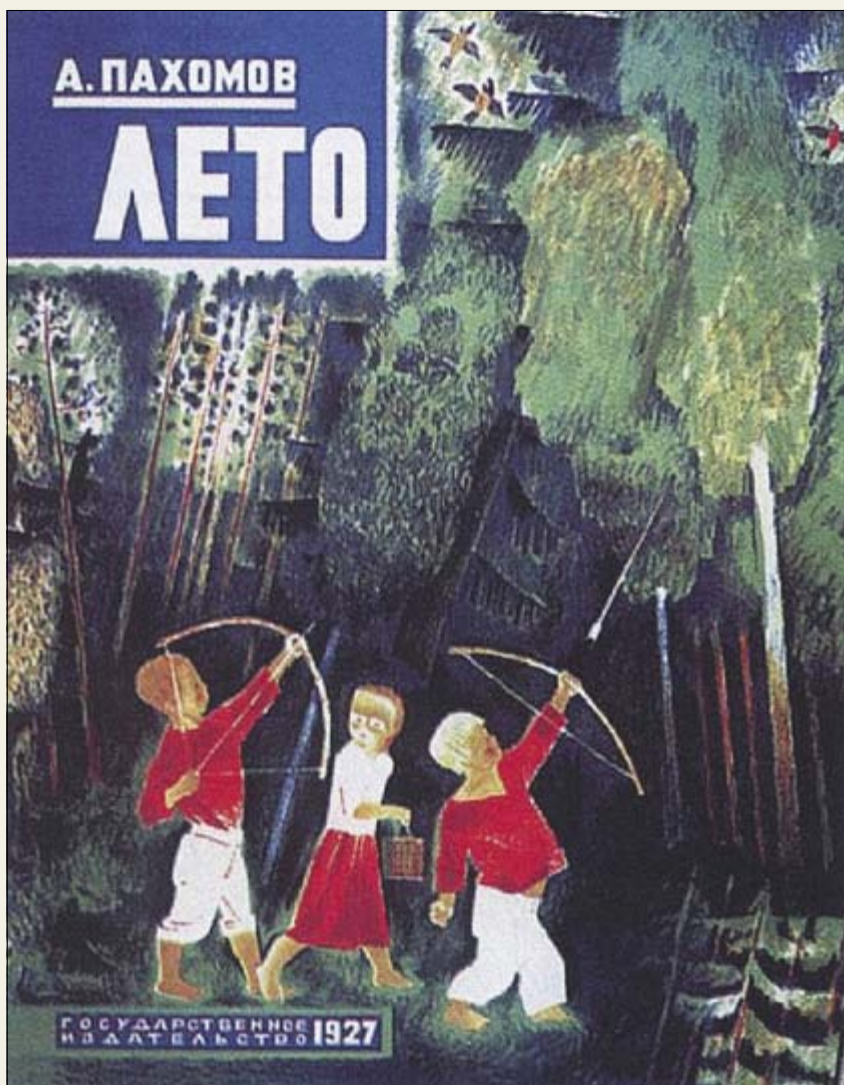
На преподавателей и систему образования оказывали существенное влияние господствовавшие в начале XX века авангардистские течения в искусстве. Увлекаясь и пройдя через современные ему художественные направления, Алексей Пахомов создавал многочисленные наброски с натуры. Преподаватели убедили Пахомова в том, что каран-

Авиамоделист

Пионеры у моря загорают. 1935 г.

Обложка А. Ф. Пахомова к его книге «Лето»

дашные рисунки, которые он считал материалом для будущих работ, являются самостоятельными значимыми произведениями. Для Алексея Пахомова такой подход сыграл значительную роль в формирова-

нии собственного художественного языка. Завершил обучение художник в 1925 году в преобразованной Академии художеств — ВХУТЕИНе (1922–1925).

Со второй половины 20-х годов Алексей Пахомов начал работу в книжной графике, у своего учителя В. В. Лебедева, ставшего художественным редактором издательства «Детская литература» и привлекавшего к сотрудничеству целый ряд талантливых молодых живописцев. Одновременно с Пахомовым к работе в издательстве приступили писатели В. В. Маяковский, С. Я. Маршак, А. Л. Барто и художники В. М. Конашевич, К. И. Рудаков, В. М. Ермолаева. В

середине 20-х годов художник совершил несколько поездок в пионерские лагеря, в том числе в «Артек». Темами, которым Алексей Пахомов в то время отдавал предпочтение в иллюстрации, были жизнь детей и быт русской деревни.

Он оформляет книги «Мастер» и «Школьные товарищи» С. Я. Маршака (1927), «Ведро» Е. Л. Шварца (1929), «Коса» Г. А. Крутова (1929), «Как Саньку в очаг привели» Л. А. Будогоской (1933), «Мяч» С. Я. Маршака (1933), «Бежин луг» И. С. Тургенева (1936), «Мороз, Красный нос» Н. А. Некрасова (1937), также сотрудничает в детских журналах «Чиж» и «Еж» и уже в конце 20-х годов становится одним из ведущих художников-

Иллюстрация к книге С. Я. Маршака «Мастер ломастер»

иллюстраторов детской книги. Пахомов иллюстрировал книги преимущественно в технике карандашного рисунка. За время работы с В. В. Лебедевым у него сложился собственный узнаваемый почерк, отличающий десятки проиллюстрированных им книг. Заслугой Алексея Пахомова было создание собственной новаторской и уникальной, свойственной лишь ему манере изображения детей, характеризующейся психологической, социальной и художественной достоверностью и высоким мастерством исполнения.

Творческое течение, сформировавшееся тогда в среде мастеров иллюстрирования детской книги, специалисты назвали «графическим реализмом», эстетика которого складывалась не только из системы художественных приёмов, но и из согласованных творческих принципов и которое объединяло многих художников, включённых в процесс становления и развития детской книги в ленинградской графике 1920–1930-х годов.

Как живописец Алексей Пахомов создаёт множество замечательных работ, занявших достойное место в истории ленинградского искусства начала XX века: «Работница» (1926), «Купающаяся девочка» (1927), «Жница» (1928), «Крестьянский мальчик» (1929), «Девушка в голубом» (1929), «Подруги» (1930), «Стрелки из лука» (1930), «Портрет ударницы Молодцовой» (1931). Историки искусства отмечают принадлежность Алексея Пахомова к ленинградской школе пейзажной живописи, мастера которой далеко

Дети страны Советов. 1936 г.

не ограничивались пейзажным жанром.

Во время Великой Отечественной войны художник находился в осаждённом блокадном Ленинграде и создал драматическую серию литографий «Ленинград в дни блокады» (1942–1944). В 1944 году в Русском музее состоялась выставка пяти работавших в блокаду художников (В. М. Конашевича,

В. В. Пакулина, К. И. Рудакова, А. А. Стрекавина и А. Ф. Пахомова, позднее, в 1945 году, их произведения экспонировались в Москве).

Начало педагогической деятельности Алексея Пахомова в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина приходится на 1942 год. С 1949 года он преподаёт здесь в звании профессора. К началу

Иллюстрации к книге Евг. Шварца «Лагерь». 1925 г.

В классе скрипки. 1939 г.

Сестрички

По первому снегу. 1961 г.

1960-х годов художник достигает высоких степеней официального признания. На прошедшей в 1961 году в Государственном Русском музее его юбилейной персональной выставке большим вниманием публики пользовались ранние цветные иллюстрации мастера; он снова начинает использовать ранее оставленный в своих книжных работах цвет и возвращается к некоторым собственным художественным приёмам, разработанным в 20-х годах. Выходят оформленные им книги, «Липунюшка» Л. Н. Толстого (иллюстрации для которой выполнены цветным карандашом), «Бабушка, внучка да курочка» (акварель) и другие.

Высокий профессионализм, мастерское владение рисунком, своё непосредственное видение и изображение мира детства поставили художника в один ряд с выдающимися мастерами, определившими лицо художественной культуры своего времени.

Собаки и кошки

В старой-престарой книжке как-то раз попало прелюбопытное известие. Я с нескрываемым удовольствием переписал живое и увлекательное словесное изложение из далёкого прошлого себе в тетрадь. А ведь недурной рассказ!..

В достаточной мере известно, что между собакой и кошкой спокон века идёт неугасимая вражда. Про начало розни этой между балагурами ходило в старину такое предание, отмеченное и записанное в позапрошлом столетии подпоручиком Погоским.

В древности многие собаки считались рыцарями и имели на это звание документы, написанные на

пергаменте. Собаки-рыцари вместе с прочими снаряжались в леса на охоту и хаживали на войну против других неприятельских племён. Кошки же всегда считались хозяевами-домоседками и никуда не отлучались далеко от жилищ своих.

Однажды собаки пошли на войну против врага — волков и отдали документы свои на сохранение кошкам. Безграмотные кошки спрятали документы небрежно — на чердаки да от страха и заснули.

Победоносно возвратясь с похода, рыцари потребовали своих документов. Кошки, хватать-похватать, ан нечего взять — а документов-то и нету: одни

огрызочки остались — мыши всё съели. Положение пёстрое! Раздражённые собаки задали кошкам приличную потасовку и постановили — впредь при встрече всегда трепать их без милосердия. Ожесточённые кошки кинулись на мышей и решили — впредь ни в коем случае не давать им пощады. Отселе — вечная война.

А собаки, оставшись навсегда без документов, принуждены разыскивать между собой рыцарское происхождение своим простым способом перенюхиванья: им ничего больше не осталось, как разноухивать друг друга при встречах.

«Я с народом был»

Редко какой писатель подвергался стольким нападкам, такой жёсткой критике, переходящей порой в обвинения, пережить которые не всякий человек в состоянии, а что уж говорить о писателе с тонкой душой, остро чувствующей любую несправедливость. Имя ему Николай Семёнович Лесков. В какой-то мере это и объяснимо: слишком выбивался он из привычных представлений, как и о чём должен рассказывать в своих произведениях писатель.

И первое, что лежало на поверхности для любого читателя, а уж для критика и подавно, — это язык произведений Лескова, не похожий на привычный литературный, принятый в образованном обществе. Да вот, посудите: «Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухместную» (читатель догадался, конечно, что речь идёт о двухместной карете).

«Приезжают в пребольшое здание — подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромные бюстры, и посредине под Балдахином стоит Аболон полведерский».

И это, если постараться, можно перевести на знакомый большинству граждан язык: бюстры — люстры, Аболон полведерский — это сам Аполлон Бельведерский, знаменитая греческая статуя в честь многих побед Александра Македонского. Чуткое ухо читателя уловит и явный юмор в слове «полведерский», как, впрочем, и в подобных других, на которые не скупился автор.

Но эта не была игра в интересные слова, ведь Николай Семёнович в своих произведениях зачастую как рассказчик говорил языком народа, который он знал как никто другой: его привычки, профессиональные особенности общения, языковые корни таких разных групп населения, как священники, служивые люди, крепостные крестьяне и уж, конечно, разночинная интеллигенция, которая в середине XIX века стала набирать общественную силу. А учитывая, что Лесков не прочь был пройтись сатирой по своим идейным недругам, то и тут он пользовался всей гаммой языкового богатства.

«Насилу государь этот ключик ухватил и насилу его в щепотке мог удержать, а в другую щепотку блошку взял и только ключик вставил, как почувствовал, что она начинает усиками водить, потом ножками стала перебирать, а наконец вдруг прыгнула и на одном лету прямое дансе и две верояции в сторону, потом в другую, и так в три верояции всю кавриль станцевала» — так описывает автор от имени рассказчика необыкновенное представление блохи в повести «Левша», одной из самых любимых в нашем народе до сих пор. Кстати, Лесков —

свой человек»

первоклассный словотворец, чем не удачное выражение в данном контексте — «верояции»?

В произведениях этого писателя всегда есть место надежде и вере в духовную силу народа. И могло ли быть иначе, ведь родился он в 1831 году в селе, что на Орловщине, а детство провёл в деревянном доме недалеко от обрыва над рекой Орликом, откуда открывались дали родной земли на все четыре стороны. Его отец, небогатый судейский служащий, не раз и не два преподавал сыну уроки правдивости во всех важных делах, а то и прямого гражданского мужества. Не случайно именно эти черты превратили судьбу Николая Семёновича в ряд испытаний, что не каждому под силу.

Но, возвращаясь к самобытному языку Лескова, нельзя упустить такой факт из его биографии. По делам переселения крестьян, будучи на службе у мужа тётки своей, он исколесил чуть ли не всю огромную страну, общался с разными сословиями, начиная от крепостных крестьян, купцов, монахов, приказчиков и кончая аристократами. Надо думать, какие языковые богатства откладывались в его пытливой и чуткой душе! Не чурался он и предрассудков, и многочисленных суеверий, если видел в них исторические корни, народное творчество, сказочные сюжеты. «Я с народом был свой человек», — говорил Лесков в конце жизни и имел на это полное право.

Однако вернёмся к перипетиям его судьбы. Неприятие образного, идущего из народных глубин языка, — ещё было цветочками. Ирония судьбы, как морская пучина, накрывала Николая Семёновича с головой дважды, отрезая пути к публикациям в журналах, разрывая многолетние дружеские и творческие отношения с коллегами по перу и общественной деятельности.

Кажется, ничто в его жизни не предвещало грозы, несмотря на очень не спокойные 60-е годы, когда прогрессивная Россия уже хорошо понимала, что страна требует реформ, что старый уклад жизни противоречит росту — как духовному, так и экономическому. В это время Лесков выступает с публицистикой, стараясь быть максимально объективным, полагаясь на свой уже немаленький по тем временам жизненный опыт. Но дару эпического сказителя тесны были рамки журналистики, и один за другим в печати появляются рассказы «Разбойник», «В тарантасе», «Ум своё, а чёрт своё», «Овцебык» и, наконец, повесть «Житие одной бабы», в которой автор создаёт образ молодой и красивой крестьянки Насти, жертвы людей корыстных. А в планах прозаика уже формировался сюжет будущей повести «Леди Макбет Мценского уезда», что наряду с «Левшой» стала более чем знаменита, в том числе и в нашем, XXI веке. Словом, имя Николая Семёновича Лескова становится в один ряд с видными писателями того времени.

Но вот наступил роковой для Лескова 1862 год, когда на страницах петербургской «Северной пчелы» Лесков потребовал от властей объяснить происхождение пожаров в разных районах города, дабы исключить неверные слухи. А поскольку молва приписывала пожары в том числе и молодёжи, распространявшей крамольные для властей листовки, то статья была воспринята как предательство всего революционного движения, а самые оголтелые критики называли это доносом, обвиняли Лескова в связи с полицейской верхушкой города. А Николай Семёнович всего-навсего хотел добиться объективного расследования трагических происшествий в городе.

Лесков, не ожидавший такой реакции, пытался объясниться с прессой, но это не помогло. И он уезжает за границу, оседает на время в Париже. Но душа требует справедливости, и он пишет роман «Некуда», как бы отвечая своим хулителям. А в России начались репрессии, в которых пострадали лучшие представители демократического лагеря Дмитрий Писарев и Николай Чернышевский. И вышедший в очень неподходящее время роман подлил масла в огонь, Лесков был громогласно отлучён от передовой части тогдашнего общества. Не был свободен от явной политической ауры и роман «На ножах»...

Устав от бесплодной борьбы, Николай Семёнович решает полностью отдаться литературе, где конкретная человеческая судьба снова встаёт во главу угла. Из-под его пера выходят такие произведения, как «Соборяне», «Запечатленный ангел», «Очарованный странник», составившие непреходящую славу нашей литературы.

Постепенно Лесков снова занимает заслуженное место в литературе и обществе, поступает служить в Министерство народного просвещения, но независимость и стремление к справедливости, которые он перенял от отца, делают его не очень удобным работником, и в 1883 году он уходит со службы и посвящает себя целиком творческой работе, в связи с чем невозможно не сказать хотя бы несколько слов о его повести «Очарованный странник». Главные в ней герои — обычный русский мужик Иван Флягин и цыганка Груня, олицетворяющая вечное стремление народа к счастью и красоте. А главный герой, по сути своей человек работающий и добрый, силою обстоятельств не раз и не два попадает в самые скверные истории, за что и наказывается судьбой. Однако в конце

жизни всё-таки приходит к Богу. Не сыскала своё счастье и обманутая Груня, жизнь её оканчивается трагически. Многие читатели, да и знатоки творчества Лескова склонны считать очарованным странником саму Россию. Главное — это настоящая проза с особым, свойственным только этому мастеру, языком, а значит, и обладающая «лицом не общим выраженьем».

Музей Лескова

Огромный охват событий, судеб, характеров, связанных с надеждами на лучшую жизнь, многогранность сюжетов, где история страны и её народа порой переплеталась с не менее удивительной действительностью, отражённой опять-таки в народном творчестве и фантастически образном языке, — всё это ставит творчество Лескова в один ряд с самыми глубокими и талантливыми мастерами русской прозы.

О том, насколько Николай Семёнович современен и сегодня, говорят в том числе и такие его слова о России: «Обращаемся к истории, и здесь же мы видим, что этот народ отнюдь не лишён способности понимать общественную пользу и служить ей без подгона и притом служить с образцовым самопожертвованием даже в такие ужасные исторические моменты, когда спасение Отечества представлялось невозможным...». И мы знаем, что Лесков не ошибся, глядя далеко вперёд, словно зная, через какие испытания предстоит пройти его любимой родине.

Свой вечный покой очарованный странник из стана русских писателей обрёл 23 февраля 1895 года на Волковом кладбище Петербурга, города, в котором любил, негодовал, творил, страдал, но не представлял без него своей жизни.

А вот нам и завещание Николая Семёновича: «Так в тогдашнее время всё требовалось очень в аккурате и в скорости, чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала».

живой
уголок

Владимир Волков

Серый

Дед принёс мне зайчонка в ладонях — таким он был маленьким. «В поле нашёл», — сказал он.

Серый, так мы называли зайчонка, быстро подружился с котёнком: они даже вместе лакали молоко из блюдца и вместе спали на диване, прижавшись друг к другу.

К осени Серый превратился в толстого добродушного зайца. И всё было бы хорошо, если бы он не стал... барабанить. На чём не попадая. Молотил он от души! Однажды ему попало ведро. Представляете, какой это был тарарам! Дед сказал: «Хватит! Переселяем его в сенцы!» Серый обиделся и стал барабанить по двери. А изнутри — мяукал и царапался котёнок.

И вот было решено отпустить зайца на волю. Дед посадил Серого в корзину, и мы пошли на тот луг, где когда-то его нашли. «На просторе-то ему будет лучше», — успокаивал меня дед.

Серый не сразу ушёл от нас. Отбежит, привстанет и снова несётся к нам, но каждый раз он отбегал всё

дальше. Я был уверен, что больше не увижу Серого. Но ошибся...

Случилось это зимой. В солнечный морозный день. Мы сидели за самоваром. И вдруг лай собаки. «Никак это Дунай?» — прихлебывая чай, сказал дед.

Дунай и его хозяина Петра Семёновича, охотника из дальней деревни, в наших местах знали все. Это был тот ещё старик! На лыжах он бегал так, что однажды осрамил одного приехавшего на каникулы студента. Они поспорили, кто пройдёт быстрее десять километров. Так вот: когда студент прикатил, Пётр Семёнович уже щипал хлеб. Но я отвлекся...

Дунай под яростный лай наших собак уже нёсся по деревне. И вдруг кто-то знакомо заколотил в дверь. Я первым понял, кто это! Выскочил в сени, открыл дверь — так и есть, он — Серый! Я не успел глазом моргнуть, как он — шнырь! — и в избу. Я — за ним. Вбегаю, а он уже на диване, глазами испуганно туда-сюда водит, а перед ним — дед с бабушкой, как из-за стола выскочили, так и замерли.

Я кинулся к Серому, стал тормошить его, обнимать. Тут и Васька наш объявился. Сначала усы топорщил, фыркал, видно, от зайца незнакомо

пахло лесом, а потом тоже — плюх на диван.

Я выглянул в окно — перед нашим крыльцом, заходясь в лае, прыгал Дунай. Мы с дедом вышли на крыльцо.

— Извиняйте, ежели побеспокоил, — сказал Пётр Семёнович, одной рукой сдерживая Дуная, а другой утирая пот. — Тут такая ерунда получилась... Поднял я в овраге зайца, а он, будь неладен, вместо того чтобы кругом пойти, как это положено ихнему брату, махнул прямо в вашу деревню... Вы тут его не видали, не пробегал?

— Видали! — отвечал ему дед. — Вышел на крыльцо, смотрю — заяц бежит. Остановился и спрашивает: «Мне бы попить, притомил меня охотник, с утра за мной гоняется». Заходи, говорю, мы как раз чай пьём... Так что и тебе, Пётр Семёнович, не мешает подкрепиться.

Пётр Семёнович довольно заулыбался: мол, не охотник, а заливает по-нашему, по-охотничьи. И привязал Дуная у изгороди.

Первые рукописные книги на Руси

Самая древняя старославянская рукописная книга — «Киевские глаголические листки» — написана около 1000 лет назад. А самая древняя русская рукописная книга — «Остромирово Евангелие» — в середине XI века. Более 900 лет назад мастер книжного дела писец Григорий переписал это Евангелие для новгородского посадника Остромира. Сейчас книга хранится в Санкт-Петербурге, в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Первая русская печатная книга

Первой русской датированной печатной книгой в России является «Апостол» — церковная книга, подготовленная к печати и выпущенная в Москве в 1564 году (в царствование царя Ивана Грозного) первопечатником Иваном Федоровым (ок. 1510–1583) с участием его ученика Петра Мстиславца.

Печатание первой русской книги началось в Москве, в типографии на Никольской улице (быв. до недавнего времени ул. 25 Октября), 19 апреля 1563 года и было завершено 1 марта 1564 года.

Пётр Семёнович осторожно приблизился к Серому и погладил его.

— Ну, надо же... Думал ли я там в лесу, что мне придётся с ним за самоваром встретиться и по загривку гладить? Ведь расскажешь кому — ни в жизнь не поверят.

Когда Петра Семёновича спрашивали, почему перестал охотиться на зайцев, он рассказывал про Серого. Слушатели улыбались: охотники — мастера на всякие байки.

И вот входим мы в избу. Пётр Семёнович, увидев Серого на диване, остолбенел. Открыв рот, он смотрел на зайца. Его, видимо, поразило не столько то, что заяц оказался в избе, а то, как он вёл себя. Серый лежал на диване рядом с котом, и на него, старого охотника, не обращал никакого внимания.

Пётр Семёнович пришёл в себя, когда мы рассказали историю Серого.

— Ишь ты! — то и дело восклицал он. — Я, стало быть, как Вовка твой могу его... это... погладить?

— Погладить — не дробью шарахнуть, — усмехнулся дед. — Это совсем другое дело.

Эту дату и принято считать началом русского книгопечатания.

Книга содержала 268 листов, размер каждого 21 на 14 сантиметров. Было выпущено около 2 тысяч экземпляров, из которых на сегодняшний день обнаружен 61.

Первый учебник чтения

Первая в России печатная книга для обучения чтению была выпущена более 400 лет назад тоже Иваном Фёдоровым. Она содержала необходимые правила грамматики, знакомила детей не только с буквами, но и с числами. В этой книге много поучительных афоризмов.

Ашипки

Художник В. Юдин

Люди в парке посадили деревья и скамейки.

Бойцы жалели голодных детей и давали им консервные банки.

Как весело кататься на санках, которые мчатся впереди тебя!

Навстречу шел отец. Девочка и собачка радостно залаяли.

Дубровский лежал на диване и смотрел телевизор.

После гражданской войны страна стала восстанавливать разруху.

У костра сидели два человека и одна женщина.

Австралийский кенгуру имеет карман на животе, чтобы прятаться туда в случае опасности.

Достоевский сделал героиню своего романа матерью.

Дни летели день за днем, обгоняя друг друга.

Еж, жаба и ласточки помогают садовнику поедать насекомых.

Капитанша рассказала о Пете Швабрине, которого отправили сюда за самоубийство.

Когда кончается лето, очень грустно, но в школу зайти хоть на один день тоже хочется.

Когда мой друг тонул, я бросился его спасать, потому что на нем были мои плавки.

ПОДВИЖНИКИ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Сергей Миронов,
Председатель партии
«СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»

Святой Владимир

— герой нашего времени

Памятник Великому князю Владимиру в Киеве. 1853 г

Среди событий новейшего времени особенное значение приобретает 1000-летие памяти святого равноапостольного князя Владимира (960–1015). С его именем связывают начало обращения славянского населения Руси в христианство, принятие народом православной веры. Именно при Владимире мы окончательно стали русскими.

Когда приходят такие даты, мы соотносим прошлое с настоящим. Воздавая должное человеку, возглавившему процесс христианизации Руси, мы размышляем о собственной, в том числе и церковной истории, о русской государственности, о своём национальном характере, образе жизни, культуре. Подобные даты напоминают о том, что наши общие духовные ценности и традиции нуждаются в сохранении и защите, особенно в условиях кризиса и непросто-

го положения, в котором оказалась сегодня Россия.

Тысяча с лишним лет отделяет нас от времени жизни святого князя. Его путь к предначертанной миссии был непростым. В юности он был язычником, поклоняющимся идолам, участником извечных княжеских усобиц. И ведь что интересно: до принятия христианства сплотить удельных князей ему никак не удавалось. Но логика истории и Промысел Божий постепенно расставили всё по местам.

В церковном тропаре Владимиру есть такие слова: «...и обрел еси бесценный бисер Христа, избравшего тя, яко второго Павла». Сравнение святого равноапостольного князя с апостолом Павлом не случайно. Как известно, Павел, будучи ещё Савлом, сам принимал участие в гонениях на христиан, пока Господь не явился ему со слова-

ми: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» В этот момент жизнь будущего апостола перевернулась. Нечто похожее наблюдаем и в жизни Владимира.

Считается, что одним из событий, которые привели к перевороту в сознании Владимира, стала казнь двух захваченных им в плен варягов-христиан. Они приняли смерть, не пожелав отказаться от веры (спустя годы на месте их казни он возведет церковь). Владимиру стало ясно: единая вера, христианство — это путь к спасению, объединению людей.

Мы вспоминаем Владимира и как одного из первых русских государственных деятелей. Как и византийский император Константин, он увидел в православии единственный путь к собиранию страны, разделяемой родоплеменной борьбой. Несомненно, в решении Владимира крестить Русь сыграли важную

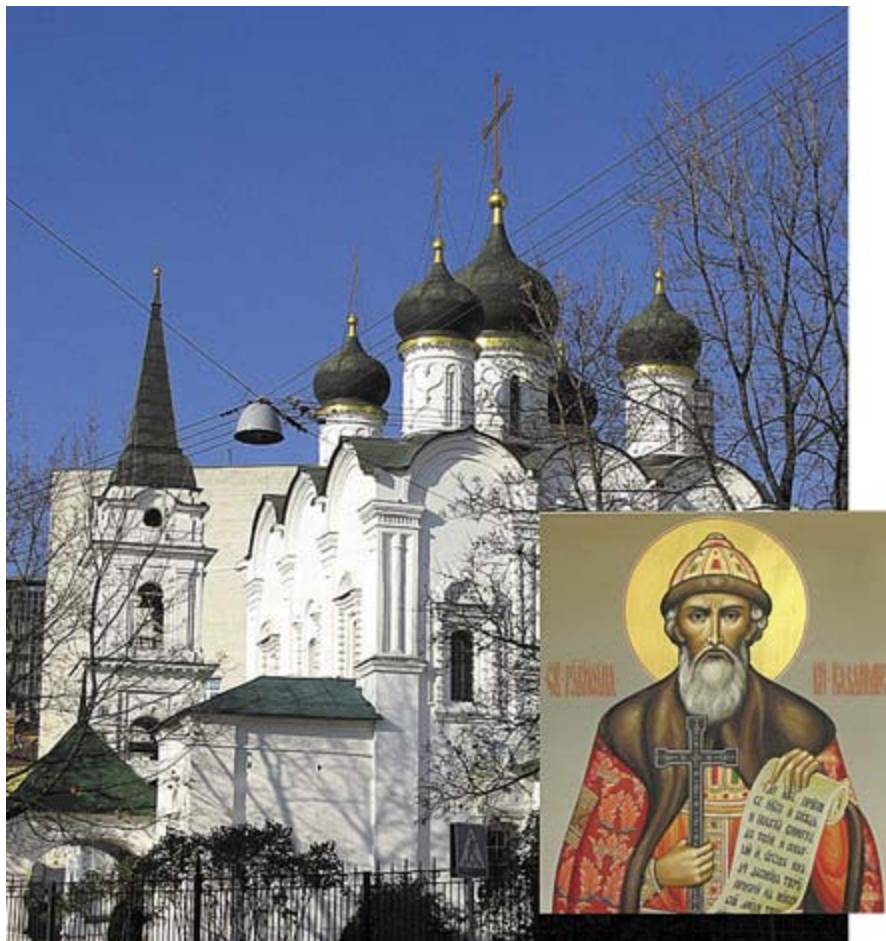
роль торговые и культурные связи наших предков с Византией. Постепенно на Руси, вопреки воле языческих жрецов-волхвов, становилось всё больше христиан.

До сих пор существуют разные суждения насчёт известного летописного сюжета о «выборе веры» Владимиром. И сейчас ещё некоторые люди рассуждают: так ли происходил этот «выбор»? Но дело в том, что русские летописи, как и европейские хроники, — жанр отнюдь не строгий. Они переписывались при каждом новом князе в угоду именно его представлениям о тех или иных событиях.

«Выбор вер» не обязательно происходил именно так, как описано в летописи. Просто в то время никакой другой выбор был невозможен для русского человека, знавшего о Царьграде. Великая Византия своим могуществом, умелой дипломатией, торговлей, искусствами, архитектурой, городскими садами и фонтанами разительно выделялась на фоне своих соседей. Византийская культура значительно превосходила современную ей европейскую. Поэтому решение Владимира было понятным и очевидным для окружающих его людей.

Но помимо обычных земных закономерностей в истории есть и такие, которые верующие люди называют небесными. В этом смысле князь Владимир стал тем избранником, который взял на себя миссию просветителя и проводника христианского вероучения. И русский народ будет вечно благодарен ему.

Вот что сказал по этому поводу Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в своей речи на 1000-летие преставления князя: «Избрав благочестивый образ жизни, начав повсеместное строительство храмов и церквей, демонстрируя неизменную заботу о дружине, о простых людях, об убогих и даже о пре-

Храм Святого Владимира в Старых Садах. Москва

ступниках, мудрый правитель, прозванный в народе Красно Солнышко, доказал своим подданным, что правда Божия и жизнь по Христову евангельскому закону неизмеримо выше человеческой славы, почестей и богатств».

В преданиях многих народов есть особая легендарно-историческая фигура святого правителя, строителя справедливого царства. У англичан это король Артур, у французов — Людовик IX Святой, у нас — князь Владимир Красное Солнышко.

Одно из объяснений его ласкового прозвища связано с историей о личных качествах князя и его отношении к простому народу. По легенде, однажды Владимир в честь спасения от печенегов решил устроить грандиозный пир. Но пир этот был необычным. На него пригласили всех людей из окрестных городов... кроме бо-

яр и старейшин. Бедняки свободно проходили в палаты и вдоволь ели и пили. А затем такие пиры стали устраиваться каждый год. Князь хотел подчеркнуть, что нет для Господа знатных и незнатных, что для Него все люди равны. Это краеугольный камень апостольского учения, которое Владимир принёс на Русь. Кто-то, возможно, поставит под сомнение эту легенду. Действительно, верна она или нет — мы никогда доподлинно не узнаем. Но очевидно, что реальный образ Владимира не мог так уж сильно расходиться с его легендарным портретом. Само существование этого сюжета уже говорит о том, какие черты люди того времени считали во Владимире главными, как обращённый в христианство народ понимал добро и справедливость. Значит, все, посеянное князем, упало в добрую почву.

От начала христианского почитания в XII веке имя этого князя стало занимать всё больше места и в мирской жизни. Владимир — герой народных преданий, былин, сказаний, его именем нарекались новорождённые, давались названия не только церковным, но и офици-

нить концы распавшейся русской традиции: ведь она — единственный национальный институт, уцелевший с дореволюционных времен и переживший советский период.

Но это, как выяснилось, устраивало не всех. Были попытки поссорить Церковь то с

всегда будет держаться на том, что она может говорить народу правду там и тогда, где и когда этого не делают другие. А также выступать на стороне «униженных и оскорблённых». Это означает — быть совестью народа, быть достойными великих предшественников, святых, «в земле Российской просиявших», а также великих патриархов Гермогена, Тихона и Сергия. И конечно, достойными князя Владимира.

Тысячелетие жития св. Владимира — историческая веха. Принимая это во внимание, президент России Владимир Путин предложил создать около Севастополя историко-культурный центр христианства, поскольку именно там, неподалеку, на территории Корсунь-Херсона крестился князь Владимир. Нельзя не отметить и то, что Херсонес представляет собой важнейший священный центр России, ту самую точку, где особенно ощутима наша живая историческая и духовная связь с Византией, давшей Древней Руси православную веру.

С течением веков смысл и значение исторической роли св. Владимира, память о нём находили своё воплощение в сооружении соборов, церквей, монастырей, памятников, благотворительных учреждений по всему миру. Не только в России, но и в Лондоне, Хьюстоне, Брисбене, Торонто и ещё в трех десятках историко-географических мест, где волею судьбы оказались православные русские люди.

Самый известный памятник установлен по инициативе Николая Первого на Владимирской горке над Днепром в Киеве в 1853 году. А в 1862 году в Великом Новгороде состоялось открытие величественного монумента «1000-летие России». Одно из главных мест там занимает образ крестителя Руси.

Памятник 1000-летию Руси. Великий Новгород. 1862

альным учреждениям. 900-летие Крещения Руси (1888) — одна из важных исторических вех — была отмечена началом строительства «Князь-Владимирских» соборов во многих российских городах.

К сожалению, наши знания о жизни князя трудно назвать полными. Это означает, что детальное изучение жизни и деяний князя Владимира может и должно стать одной из важных и интереснейших тем для историков, особенно для молодых. Уверен, что они ещё преподнесут нам немало удивительных открытий!

В 1980–1990-е годы XX века открылись новые возможности для восстановления того влияния, которым обладала Русская Православная Церковь до 1917 года. Церковь оказалась тогда в центре общественного внимания, начала активно заниматься благотворительностью, создала мощное волонтерское движение. Многим казалось, что именно РПЦ в состоянии соеди-

научным сообществом, то с государством, то с деятелями культуры и музейными работниками. Российским православным пытались мешать строить храмы и совершать коллективные молебны. А вместо ленинского антицерковного декрета некий олигарх-политик предлагал регламентировать жизнь православной общественности непонятным «Религиозным Кодексом». К счастью, эта инициатива была отвергнута.

Отвратить наш народ от православия, от Бога не удалось и уже не удастся. Но сложившаяся сегодня в обществе ситуация требует мужества от рядовых членов Церкви и особой ответственности от духовенства. Интеллектуальный, духовный уровень священников должен всегда возвышаться над упорно навязываемыми нашему обществу стандартами бездумного потребления и низкопробного шоу-бизнеса.

Православные люди обязаны помнить: авторитет Церкви

Памятник князю Владимиру. Белгород. 1998

Между тем в Москве — столице России до сих пор нет памятника одному из основателей Русского государства. Но сегодня дело сдвинулось с мёртвой точки. И хотя не обошлось без трудностей, к счастью, многолетняя мечта православных верующих близка к осуществлению. Памятник будет!

Правда, возникли проблемы с местом установки. В конце концов, решили поставить на Боровицкой площади, а не на Воробьёвых горах — опасались, что там будет осыпаться склон. На мой взгляд, где именно будет стоять Святой Владимир, не имеет принципиального значения. Хотя как геолог могу сказать, что нет такого склона, который не могли бы укрепить русские инженеры. Они, кстати, в середине XIX века успешно укрепили стремительно осыпающуюся Владимирскую горку в Киеве.

Великий князь Владимир — одно из тех духовных светил, что одаривает верующих теплом единения вокруг христианских ценностей. Вся Россия воздаёт ему должное за вклад в сплочение русских в единый народ, в единое государство. Поэтому благодарные потомки знаменуют тысячелетие Жития и служения Святого Владимира возведением памятника в Москве. Я уверен, к нему будут приходить и верующие, и невоцерковлённые, и старые, и молодые русские люди. И конечно же дети. Святой князь Владимир и сегодня — герой нашего времени!

ЖИВОЙ
УГОЛОК

Удод — птица 2016 года

Союз охраны птиц России выбирает птицу года, руководствуясь следующими критериями:

- Птица должна быть широко распространена, чтобы как можно больше людей могли участвовать в её изучении и охране;
- Она должна быть хорошо узнаваемой, чтобы её могли легко определить в природе не только специалисты-орнитологи;
- Вид должен быть таким, чтобы все желающие могли оказать конкретную помощь в решении проблем птицы года, например, принять участие в учётах численности, помочь решить жилищную проблему или защитить места обитания.

Удод, выбранный птицей 2016 года, отвечает всем этим требованиям. Это одна из самых ярких и запоминающихся птиц нашей страны. Необычна контрастная окраска — тёмные и белые полосы на рыжем оперении. На голове — пышный хохол-«ирокез», который птица то складывает на затылке, то разворачивает во всём великолепии. Самец и самка окрашены практически одинаково, только самки чуть менее яркие, и на груди у них отсутствует розоватый налёт. Как русское, так и латинское название птицы (Uriaeops) явно звукоподражательные: песня удода — глухие повторяющиеся звуки «уп-уп-уп».

В нашей стране удод — перелётная птица. Появляется он обычно в конце апреля, а улетает на зимовку в конце лета или осенью. За пределами России удода гнездятся в Европе, Центральной, Южной Азии и Юго-Восточной, в Африке и на Мадагаскаре.

ПИОНЕРЫ КОСМОСА

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВРЕМЕНИ

Юрий Алексеевич Гагарин (1934–1968)

С давних времён человек пытался понять, что находится за границами знакомого ему мира. Что такое космос. Смысл этого слова менялся со временем. Впервые это понятие возникло в Золотую эпоху греческой философии, которая продолжалась приблизительно с 600 года до н.э. по 340 год до н.э. В этот короткий, по меркам цивилизации, период жило такое количество глубоких, самобытных и значительных философов, какого не знала вся последующая история человечества. Космос греческих мыслителей — это противостоящее первобытному хаосу гармоничное и осмысленное мироустройство неба, земли и всего, что есть на земле. Подробно излагает концепцию космоса Платон. Но для греков космос — это арена действия богов и надмирных стихий. О том, что рядовой человек может играть в этой мистереии какую-то иную роль кроме пассивного наблюдателя, греческая философия не могла и помыслить.

Наследие античности — геоцентрическая система Птолемея

Новое время создало свою теорию мироздания. С современной точки зрения вселенная — это бесконечное пространство, по которому разлетаются сгустки разбросанных Большим взрывом галактик. Современный космос — это область пристального интереса человека-творца. Интересы, похожего на тот энтузиазм, с которым поднимали паруса своих кораблей капитаны в эпоху Великих географических открытий. В русском языке часто используют слово-гибрид «космическое пространство». Оно возникло при слиянии традиционного русского слова «космос» и принятого для обозначения этого понятия в большинстве западных языков слова «space», буквально переводимого как «пространство». Условно считается, что «космическое пространство» начинается с высоты 100 км над Землёй — на этой высоте уже совсем нет атмосферы, и привычные всем земные условия жизни не действуют.

Человек всегда стремился оторваться от поверхности земли, к которой его приковывала сила тяжести. Не будем обсуждать многочисленные фантастические проекты, хотя и они сыграли свою роль, а обратимся к тем учёным и инженерам, которые заложили практическую основу покорения космоса. Чтобы преодолеть силу тяготения, Жюль Верн, например, предложил пушку с очень длинным стволом. План осуществимый, но выстрел из такой пушки разрушит любой кос-

мический аппарат, не говоря уже о его пассажирах. Кроме того, снаряд будет лететь по баллистической траектории, неуправляемо. Правильным решением будет ракета! Она должна нести с собой запас топлива и двигаться, отбрасывая назад с большой скоростью продукты сгорания. Включая двигатели в нужный момент, она может корректировать свою траекторию и скорость.

Ракета, а также порох — её топливо — были придуманы китайцами в эпоху Хань (это чуть позже того времени, когда греческие философы обсуждали свои космологические гипотезы). Китайцы применяли ракеты в военном деле и для увеселений в качестве фейерверков. Впервые предложил использовать ракету для космического путешествия Константин Эдуардович Циолковский в 1903 году. Он разработал конструкцию жидкотопливной ракеты и сделал необходимые для её постройки и запуска расчёты. Он также обосновал использование многоступенчатых ракет.

Но Циолковский не увидел свои мечты воплощёнными в железе — это пришлось на долю его последователей. Энтузиасты ракетостроения жили в разных странах. В США работал талантливый физик-инженер Роберт Годдарт. Он спроектировал и построил жидкотопливную ракету, работающую на бензине и жидком кислороде. Впервые ракета взлетела в 1926 году. Годдарт «заболел» космонавтикой, прочитав в детстве книгу Герберта Уэллса «Война миров». В 1932 году, когда Годдарту было 50 лет, он написал знаменитому писателю письмо. В нём были такие слова: «Сколько ещё лет я смогу работать над этой

Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935)

проблемой, не знаю; надеюсь, столько, сколько буду жить. Не может быть и мысли об окончании, так как «нацеливание на звёзды», буквально и фигурально, является такой проблемой, которая захватит целые поколения. Поэтому неважно, сколько достигну одним человеком; всегда остаётся трепетное ощущение, что это только самое начало...»

Другим основоположником космонавтики был австрийский немец Герман Оберт. Он переписывался с Константином Циолковским. Свою книгу «Ракета для межпланетного пространства» выпустил в 1923 году. Оберт, проживший до 1989 года, сотрудничавший с отцом американской космической программы Вернером фон Брауном, был счастливым свидетелем многих побед космонавтики, в том числе высадки космонавтов на Луну и создания больших космических станций. Космос — дело затратное. Для всех исследователей вопросы финансирования были очень актуальными. Интересно, что одну из первых ракет Оберта профинансировала кинокомпания. В 1928 году при съёмках на

Начало американской космонавтики. Хантсвилл. Алабама. 1956 год. На переднем плане Оберт. За ним (сидит на столе) фон Браун

берлинской киностудии UFA фильма «Женщина на Луне» Оберта не только пригласили в качестве консультанта, но и предложили построить двухметровую ракету, которая в рекламных целях будет запущена перед премьерой. Проект был успешен.

Во время II мировой войны нацисты смогли вложить значительные средства в исследование ракетостроения и довели его до уровня серийного производства. За период с 1944 по 1945 год было запущено около 3200 боевых ракет. Это был бесценный опыт, которым воспользовались державы-победители СССР и США. Советские исследования под руководством Сергея Павловича Королёва и американские при участии бывшего технического директора немецкого ракетного центра Вернера фон Брауна развивались параллельно. Но первыми стали русские — в 1957 году был запущен первый в истории искусственный спутник Земли. А 12 апреля 1961 года на орбиту вышла ракета, на борту которой был Юрий Алексеевич Гагарин. Вот так человек стал гражданином космоса.

Рассказы- Горошины

Толин подарок

Толя взглянул на календарь и вспомнил:

— Сегодня у моей мамы день рождения! Он знал это число, потому что у него и у мамы день рождения был вместе. Ему исполнилось семь лет!

Толя всегда мечтал иметь собачку, но мама из года в год ему говорила:

— Когда повзрослеешь и сможешь самостоятельно гулять с собачкой, я подарю тебе её.

И Толя пока мечтал о таком подарке, рисовал собачек на листочках и всю стену в комнате оклеил ими.

В наступивший день рождения он думал:

— «Повзрослел ли я или нет? Надо обязательно узнать у мамы. А пока куплю ей подарок!»

И он решил все деньги, что были в копилке, собранные им на всякие сладости, истратить на подарок маме.

Толя взял копилку и вышел во двор. Неподалеку от дома стояли палатки и чего там только не было. Он подошёл к цветам и выбрал самый большой букет белых ромашек с бархатистыми лепестками и с жёлтыми сердечками. Высыпал на прилавок мелочь, рассчитался с продавцом, а остальные деньги положил обратно в копилку. И тут он увидел

рядом, в следующей палатке красивую косыночку. Она была голубая в белый горошек и с красной ажурной каёмочкой по бокам.

«Как раз под мамину кофточку подойдёт» — обрадовался он и задал вопрос:

— Тётя, можно у вас купить вот эту косыночку с каёмочкой? Я хочу поздравить любимую мамочку с днём её рождения!

Продавщица ласково взглянула на Толю и ответила:

— Пожалуйста! — А у самой на глазах слёзы выступили.

— Тётя, а почему вы заплакали? — удивился Толя.

— Вот меня бы кто-нибудь поздравил с сегодняшним днём рождения, доброе слово сказал! — И она вздохнула: — Одна я, без деток, бог сыночка не дал, и оттого и радости нет!

— Да вы не расстраивайтесь, — успокаивает её Толя: — у меня целый букет цветов. Я вам подарю половину на счастье, на здоровье. — И положил часть цветов на прилавок.

Продавщица от таких приятных слов уважительно посмотрела на мальчика, а он высыпал всю мелочь из копилки, взял приобретённый подарок и удалился. Денег явно было мало, но продавщица даже не хотела их считать.

Мама была дома, когда Толя пришёл. Он бросился к ней и радостно произнёс:

— Мамочка, я дарю тебе эту косыночку в честь твоего рождения, чтобы ты была прекрасна, и цветочки, чтобы они украшали тебя.

И он рассказал ей про тётю, которую тоже поздравил с её праздником.

Тут из-под стола вылез маленький лохматый щенок и громко затывквал. Мама обняла сына и сказала:

— Этот щенок говорит тебе, что он поздравляет тебя с твоим рождением, а я с ним солидарна. Будь всегда смелым сильным и умным. — И она гордо добавила: — Какой ты у меня большой и добрый!

На следующий день Толя вынес на руках щенка, чтобы он познакомился с улицей, и подошёл к тётке похвастаться, что маме очень понравилась косыночка. Продавщица улыбнулась, погладила щенка и Толю по кудрявым вихрам и промолвила:

— Сынок, а я для твоей собачки подарок приготовила, вот ошейничек. — И надела его на шею щенка.

Ошейничек был узеньким, но с большой сверкающей бляхой, на которой было выгравировано имя «Дружок».

Толя очень удивился: и откуда тётя узнала что он так хотел назвать собачку? И, поблагодарив её, сказал:

— До завтра! — и пошёл по двору, а щенок за ним затопал лапками.

Тетя-продавщица смотрела им вслед, не переставая махать ладошкой, и все улыбалась.

Вскоре тетя, а её звали Маруся, стала лучшим другом у Толи и у его Мамаы.

Киса-писательница

Вова видит: Папа сидит целый час за столом перед компьютером и очень мрачный, видно, никак не придумает, что ему написать.

И тут Мурлыка прыгнула на стол, а потом на клавиши и какие-то слова показались на экране. Папа посмотрел на него, кису погладил, сказал ей:

— Молодчина! — и стал быстро печатать.

«Какая у нас умная Мурлыка, — подумал Вова. — Она писательница, помогла папе сказку сочинить».

Салфеточка

Вова пьёт молоко из стакана, а Мурлыка из блюдечка. И тут он видит: киса стала мордашку лапкой вытирать.

— Мама! — воскликнул Вова. — Мурлыка молочком моется. Я тоже хочу так!

— Да это она усики вытирает, чтоб они грязными не были, — отвечает мама.

— Тогда и я губы вытру ладошкой, они у меня тоже испачкались.

— Для этого у тебя салфеточки есть, ты же не киса, а мальчик.

Вова подумал и посочувствовал Мурлыке, что она не сможет, как он, вытереться салфеточкой.

Дорогие ребята! Хотим познакомить вас с творчеством воспитанников ГБОУ «Медновская санаторная школа-интернат» из села Медное Калининского района Тверской области. Директор школы — Виталий Солдатов.

Евгений Митин, 9 класс (2015 г.)

Письмо матери

Громко стукнуло сердце,
Знаю, знаю, тревожно и мне.
Знай, родная, я не погибну
В этой тусклой чужой стороне.

На войне все дерутся друг с другом,
И сейчас мы Германию бьём.
А вот звуки родной деревушки
Долетают ко мне соловьём.

Ты почаще пиши, я отвечу.
Очень часто я буду писать.
Я тебя никогда не забуду,
Ты родная и лучшая мать.

Евгений Митин, 9 класс (2015 г.)

* * *

Бабушка, родная, я тебя люблю!
В день Победы славной поздравлять бегу.
Руки твои добрые к сердцу я прижму
И в глаза родные тихо посмотрю.

Расскажи, бабуля, снова о войне.
Как с врагом вы бились на родной земле.
Покажи медали — хоть их видел все —
Вновь хочу потрогать память о войне.

Я горжусь тобою! Ты смела, сильна.
Все друзья со мною сядут у стола.
Фото пожелтевшие я в альбом сложу,
Завтра всем ребятам в школе покажу.

Вика Ваганичева, 8 класс (2015 г.)

* * *

Война, ты губишь наши души,
Ты разрушаешь города,
Сынов у матерей ты отнимаешь,
Лишая их покоя навсегда.

Не приходи, проклятая война!
Дорога к нам тебе закрыта,
Та кровь и боль не позабыты.
Война нам больше не нужна...

Фурчикова Л.

Конаков Е.

Кашкин П.

Леонова Н.

Наш ВЕРНИСАЖ

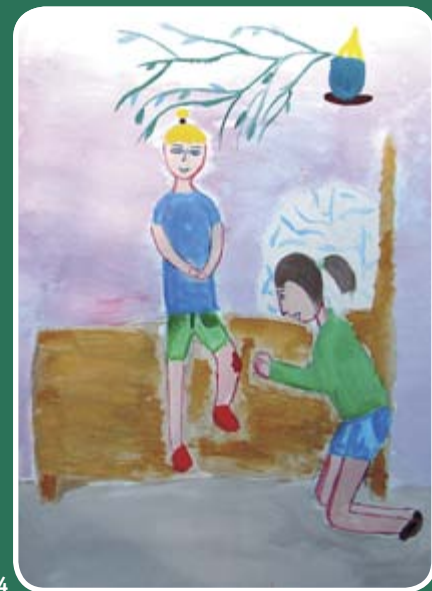
1

2

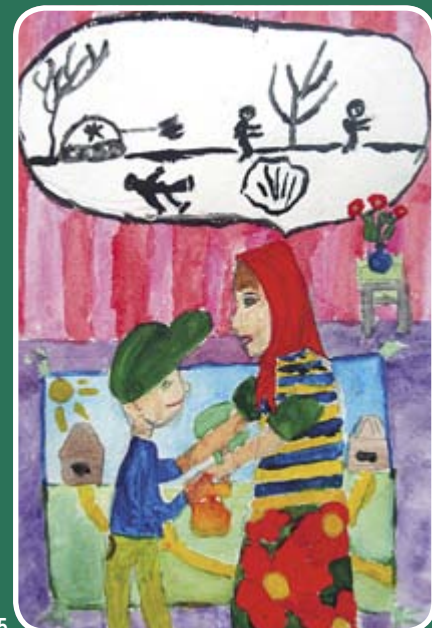

3

4

1. Хмелинская Н.
2. Неизвестный художник
3. Калинин С.
4. Ушакова
5. Катасонова Н.

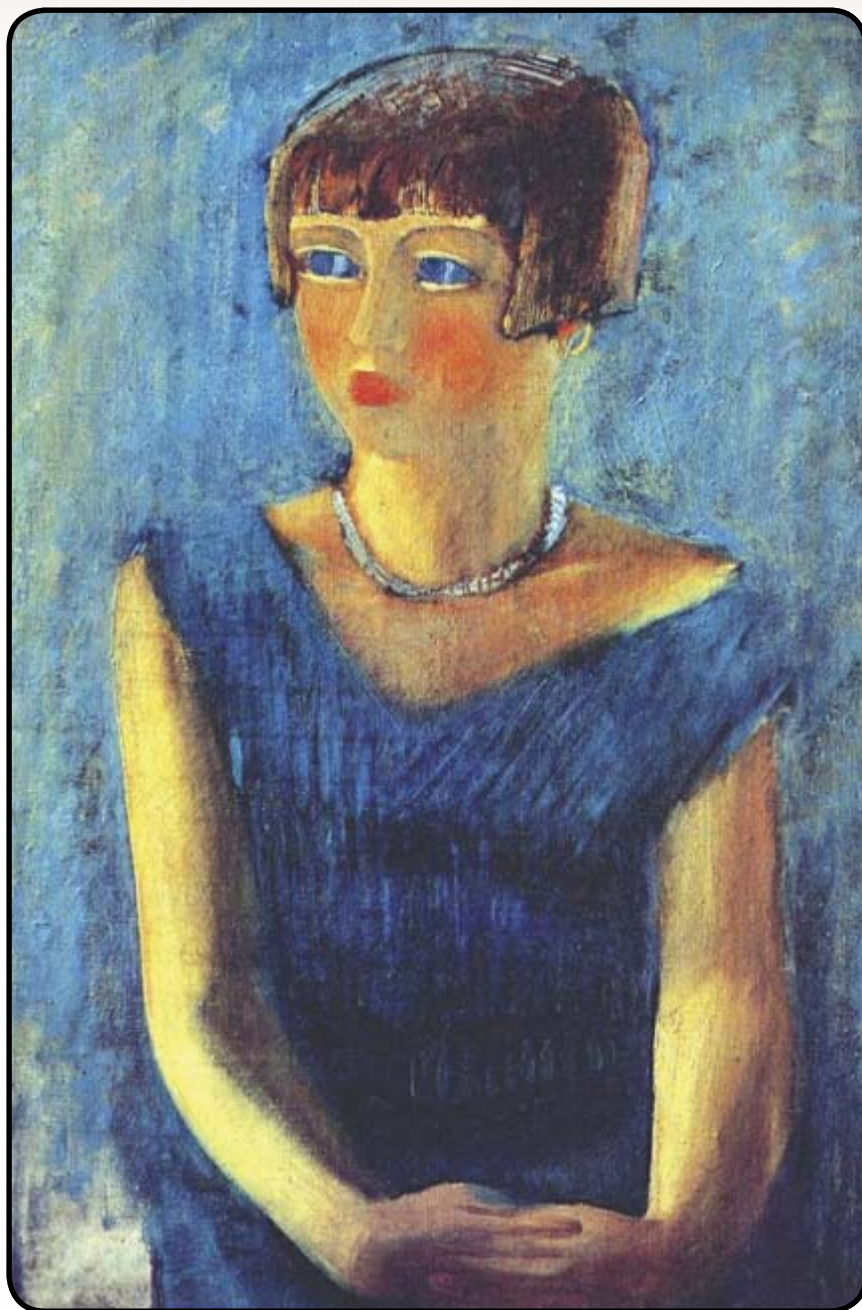
5

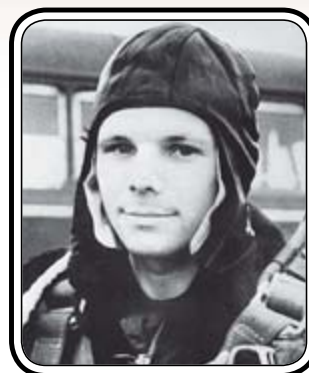
О
 Ашишки

«Картина – это не зеркало, где иллюзорно показан мир, а плоскость холста или бумаги, на которой художник изобразил краской или линией то, что он увидел и почувствовал, не скрывая от зрителя, что это всего лишь изображение, а отнюдь не иллюзия жизни».

А. Ф. Пахомов «Про свою работу»

А. Пахомов. Девушка в голубом. 1929 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:

Пионеры Космоса

РАССКАЗЫ:

Толин подарок

ИМЕНА:

Николай Лесков